

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья ограничена кругом вопросов, связанных с показом конкретных возможных различий русских диалектов в области лексики и словообразования. Типы лексических различий русских диалектов освещались в литературе, но недостаточно¹. До сих пор остается неясным, что представляют собой собственно местные особенности словаря, по каким линиям следует изучать диалектные лексические различия.

Предлагаемая ниже классификация диалектных различий в области лексики основана главным образом на изучении ее в процессе собирания и картографирования материалов для составления атласов русских народных говоров. Это открыло возможность анализа лексики русских диалектов в сопоставительном плане на большом материале. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что во многих случаях именно в процессе картографирования был вскрыт ряд существенных моментов в понимании природы диалектного различия в лексике, и это позволило сделать предлагаемую ниже конкретную типологию более полной, чем она была представлена в предшествующих работах.

*

Лексический состав русских диалектов может различаться по таким взаимно не связанным планам:

1. В одном из сравниваемых говоров для выражения определенного значения имеется определенное слово, в другом говоре эквивалентное по значению слово отсутствует.

2. Сравниваемые говоры имеют соответственные слова, различающиеся или по значению, или по составу фонем, или по грамматической принадлежности.

3. Сравниваемые говоры имеют лексические различия структурного характера, если указанные в пп. 1 и 2 лексические различия выявляются в целой группе слов.

К первому из рассмотренных планов относятся различия, выражающиеся в существовании определенного слова с определенным значением в одних диалектах при отсутствии этого слова в каком бы то ни было значении в другом сравниваемом диалекте. Обычно это сочетается с отсутствием в этом последнем вообще какого-либо названия для данного предмета или явления. Например, в части русских говоров известно существительное *вёдро* в значении «ясная, теплая погода»; в других диалектах слово *вёдро* не употребляется, но нет и другого, соответствующего ему по значению; указанное состояние погоды в этих диалектах называется описательно (см. карту № 1²). Другой пример: в некоторых севернорусских и среднерусских говорах имеется слово *кобель* в значении «нижняя, основная, прилегающая к корню часть дерева или растения» (в говорах Смоленской обл. известно также в значении «нижняя часть снопа»), в других говорах этого слова нет и указанное понятие не имеет термина для своего выражения.

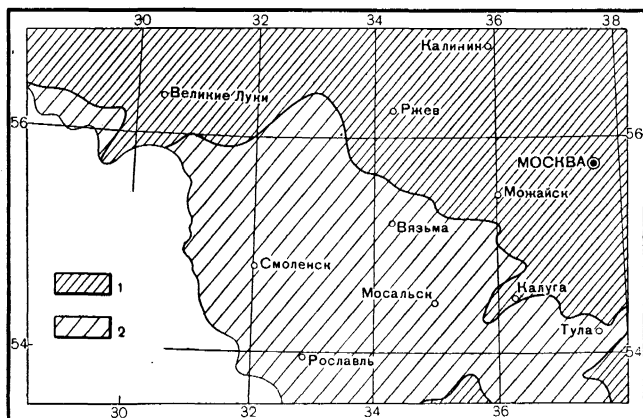
Рассматриваемые слова обозначают предметы или явления, территория распространения которых несравненно шире распространения диалектов, в которых имеется особое слово для названия данной реалии. Это обстоятельство важно иметь в виду, так как часто наличие определенного слова в одном говоре при отсутствии соответствующего слова в другом говоре объясняется этническими или природными особенностями той или иной территории. Например, слова *бурак* или *тубес* (обозначают берестяной сосуд цилиндрической формы для жидкостей) известны в северных лесистых районах и отсутствуют, в связи с отсутствием реалии, в степных районах. Такова же различная терми-

¹ Из последних работ см.: Ф. П. Ф и л и н, Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов, сб. «Вопросы славянского языкознания», кн. 1, Львов, 1948, стр. 221—225; Р. И. А в а н е с о в и В. Г. О р л о в а, Вопросы изучения диалектов языков народов СССР, ВЯ, 1953, № 5, стр. 43—45.

² Приводимые в настоящей статье карты составлены по материалам, собранным для атласов русских народных говоров, работа над которыми ведется в Институте языкознания АН СССР, и по некоторым картам этих атласов.

нология отдельных промыслов (ср., например, наличие развитой рыболовецкой терминологии в говорах населенных пунктов по берегам Белого, Псковского и Чудского озер и отсутствие соответствующих слов в говорах, носители которых не занимаются рыболовством) и т. д.

Различия такого рода не имеют большого значения для сопоставительного изучения лексики русских диалектов, так как они представляют собой не столько факты языка, сколько факты этнографии или географии (хотя сама проблема номинации относится к лингвистике). Однако они важны при изучении словарного состава каждого отдельного диалекта и связанных с этим вопросов.

Карта 1. Распространение слова *ёдро* в значении «ясная теплая погода»: 1) *ёдро* — ясная теплая погода; 2) понятие «ясная теплая погода» выражается описательно

В русской диалектологии больше исследованы эти, наиболее очевидные, лексические различия. Различия же, не обусловленные этнографией и природными условиями (подобные приведенным выше словам *кѹмель*, *ёдро*), исследованы меньше; по-видимому, они сравнительно немногочисленны.

*

Лексический состав диалектов может различаться самими словами, составляющими соответственный ряд, соответственное явление¹.

Как известно, каждое слово, являясь наименьшей единицей речи, выражающей отдельное понятие, характеризуется определенным значением, определенным составом звуков исходной формы и определенной системой форм. Слова диалектов, составляющие соответственное явление, могут различаться по одному из этих трех показателей; при этом различия по звуковому составу и системе грамматических форм в ряде случаев выступают одновременно.

Диалектные различия соответственных слов в области значения могут быть кардинальными и частными. В первом случае с точки зрения языка в целом (т. е. всех его современных диалектов и литературного языка вместе взятых) можно было бы говорить об омонимах. Сюда относятся, например, такие различия в значениях: *жѣто* — «рожь», *жѣто* — «ячмень» (см. также ниже значения слов *ѡга*, *кѹрѣнь*). Частные различия проявляются в объеме значения (например, *жѣто* — «рожь» и *жѣто* — «злаковые вообще», а также *жѣто* — «ячмень» и *жѣто* — «яровые злаки») или даже только в употреблении соответственных слов (*пахѣть* — «подметать» в неограниченном употреблении и *пахѣть* только «заметать под в печи»). Звуковой состав и грамматическая характеристика слова могут различаться также более и менее значительно; ср. наличие в говорах как разных соответственных слов с одинаковым значением (например, *петѹх* — *кѹчет*), так и диалектных вариантов одного и того же слова, образуемых частными расхождением в фонемном составе, словообразовательной или грамматической характеристике слова.

1. При различиях в вещественных значениях слова по диалектам и одновременном фонетическом и грамматическом единстве слова соответственный ряд слов образуется самими значениями того или иного слова. Например, глагол *пахѣть* в говорах Псковской и Великолукской обл. может иметь такие значения: 1) «обрабатывать землю, взрыхляя ее при помощи отвальных орудий», 2) «подметать»,

¹ См. Р. И. Аванесов, Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 3, стр. 215.

«мести» (пол, под в печи и т. д.), 3) «сеять», 4) «крупно резать хлеб ножом». В говорах к западу от Москвы существительное *мост* встречается в таких значениях: 1) «мост» (сооружение для переправы через реку, ручей, овраг и т.п.), 2) «пол» (пол вообще, пол в том или ином помещении, пол из половиц, нижний накат из бревен), 3) «сени», 4) «крыльцо» и др.; существительное *жито* может обозначать: 1) «рожь», 2) «ячмень», 3) «пшеницу», 4) «злаковые вообще», 5) «яровые»; существительное *гай* — 1) «лес», «кустарник», 2) «мусор», «мякина» и др.; *рудá* — 1) «кровь», 2) «грязь» и др.; *кúренъ* — 1) «изба», 2) «совместно растущая группа растений» (деревьев, кустов, ягод, грибов — Западное Подмосковье), 3) «крутой поворот реки или дороги» (междуречье Западной Двины и Ловати); *ва́га* — 1) «вес», 2) «весы», 3) «колодезный журавль», 4) «приспособление для увязывания сена на возу», 5) «рычаг для поднятия тяжестей»; существительное *кут* имеет значения: 1) «лавка», 2) «угол в доме», 3) «зуб» и др.; прилагательное *кутный* может употребляться в диалектах лишь в сочетании с определенными существительными: *кутная лавка*, *кутный угол*, *кутный зуб* и иметь при этом различные конкретные значения, и т. д.

Изучение различий в вещественных значениях соответственных диалектных слов вызывает особенно большой интерес, если его вести в историческом плане, отграничивая при этом процессы постепенного развития значений от явлений омонимии (если можно говорить об омонимах в применении к словам разных диалектов одного языка, что, впрочем, представляет особый вопрос).

II. Различия в звуковом составе соответственных диалектных слов с одинаковыми значениями¹ могут складываться как за счет слов совершенно разного фонетического облика, так и за счет частных моментов. При этом выделяются следующие группы: 1) слова разных корней; 2) слова одного корня, имеющие различия словообразовательного характера; 3) близкие по звуковому составу слова, имеющие частные, нерегулярные фонематические, акцентные или грамматические различия.

1. Наиболее прозрачны диалектные различия, образуемые словами разных корней (при единстве реалий), такие, как, например: *жнѣвь* — *стернь*; *морковь* — *баркан*; *сѣклá* — *бурак* — *ботейня*; *петух* — *кочет* — *песух*; *болной* — *хворый* — *квѣлый*; *страный* — *чуждый*; (лен) *теребить* — *братъ* — *дѣргать* — *таскать* — *ципáть*; (сено) *грестй*, *грестъ* — *гребáть*, *гребить* — *шевели́ть* — *трясти́* — *трусить*; *скоро́дить* — *боронить*; *класть* — *ложить*; *прыгать* — *сигать*; *мýкать* — *ка́кать*; *бчень* — *дýже* — *горáздо* — *дóбре* — *зря* — *сильно* — *прýтко*; *хóлодно* — *студѣно*, *мнóго* — *дѣсно* и др. В отдельных редких случаях такие соотношения могут быть связаны с различными осмыслениями, «народной этимологией», например *ра́дуга* — *рай-дугá*.

Указанные различия многочисленны и наиболее выявлены в процессе изучения лексики русских народных говоров.

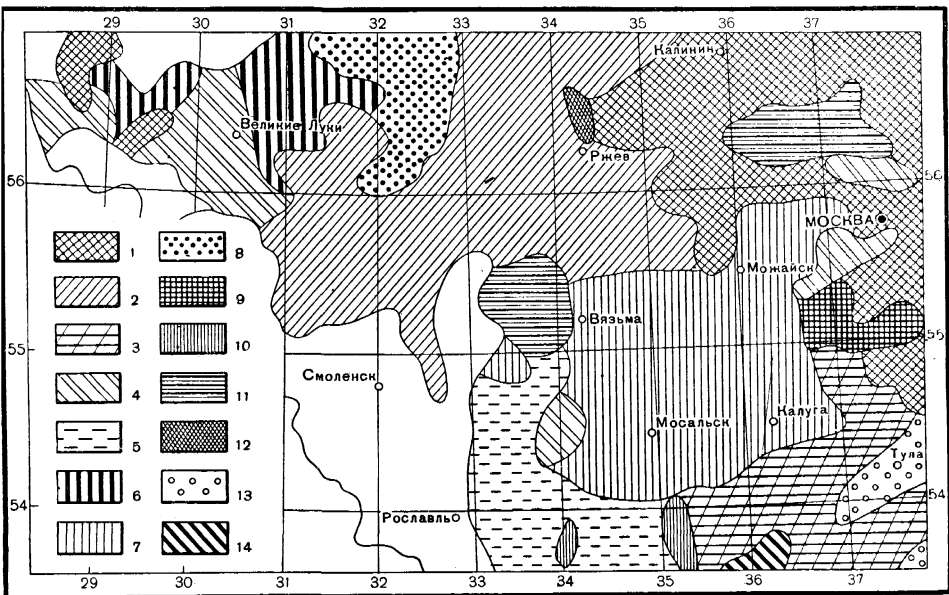
2. Различия в диалектной лексике, выражающиеся в единстве корневого элемента при различиях словообразовательных аффиксов в соответственных словах, также широко представлены в русских говорах. Сами словообразовательные аффиксы, как правило, совпадают с таковыми же в литературном языке и принадлежат общему запасу словообразовательных элементов всего русского языка. Особенностью данной группы говоров является оформление при помощи того или иного аффикса какого-то определенного корня. При этом наряду с конкретными словообразовательными различиями могут иметь место и разные словообразовательные системы, охватывающие определенные лексико-грамматические группы.

Разнообразие способов образования основы с общим корнем и одинаковым значением отчетливо видно на примере названий жнивья с корнем *жн-* в говорах Московской, Калужской, Смоленской, Великолукской, западной части Тульской, южной части Псковской и Калининской областей: *жнѣво* — *жнѣвь* (*жнѣвье*) — *жнѣвник* (*жнѣвник*) — *жнѣвняк* — *жнѣвйце* — *жневъ* — *жнѣвка* — *жнѣтео* — *жнитовье* — *жнитовка* — *жнитий* — *жнѣбѣнь* — *жнѣвень* — *жнѣвѣть* — *жнѣвѣтник* — *жнѣвѣля* и других, более редких. На карте № 2 показано, что это словообразование не случайно и делится на группы на определенные компактные группы. В говорах не закрашенной на карте территории (на северо-западе и юго-западе) соответственное слово имеет иной корень — *рж-* (*ржйце*, *ржанйце*, *ржанй* и др.). Наиболее редкие названия, имеющие сходные основы, в ряде случаев объединены в одном знаке; некоторые

¹ В качестве указанных различий могут выступать и такие пары (а подчас целые ряды) слов, которые обозначают предметы, отличающиеся частными особенностями, но сходные по функции. Таковы, например, названия помещений для хранения зерна *амбар* и *клеть*, из которых первое, как правило, обозначает отдельную постройку, второе — помещение при доме; ср. также названия орудия для выколачивания белья: *валёк* — с короткой ручкой, *кичига* — с удлиненной ручкой, и др. Лексические различия этого рода можно выявлять лишь при условии последовательного разграничения лингвистического и этнографического аспектов исследования, что в ряде случаев представляет известную трудность. Далее в целях удобства изложения рассматриваются только случаи, когда определенные различия в лексике отдельных диалектов не связаны с различиями реалий.

названия (например, *жнёвля*, встречающееся к югу от Тулы на территории распространения слова *жнёвь*) не показаны вообще.

Много названий, различающихся лишь словообразовательными элементами, имеет по русским говорам деревянная часть косы — ручка, на которую насаживается металлическая часть. Так, в говорах к западу от Москвы отмечены следующие слова с этим значением, имеющие корень *кос-*: *косьё* — *косо́вьё* — *косовище* — *ко́сьёвище* — *косовина* — *косови́лина* — *косови́льня* — *око́сье* — *око́сица* и др.

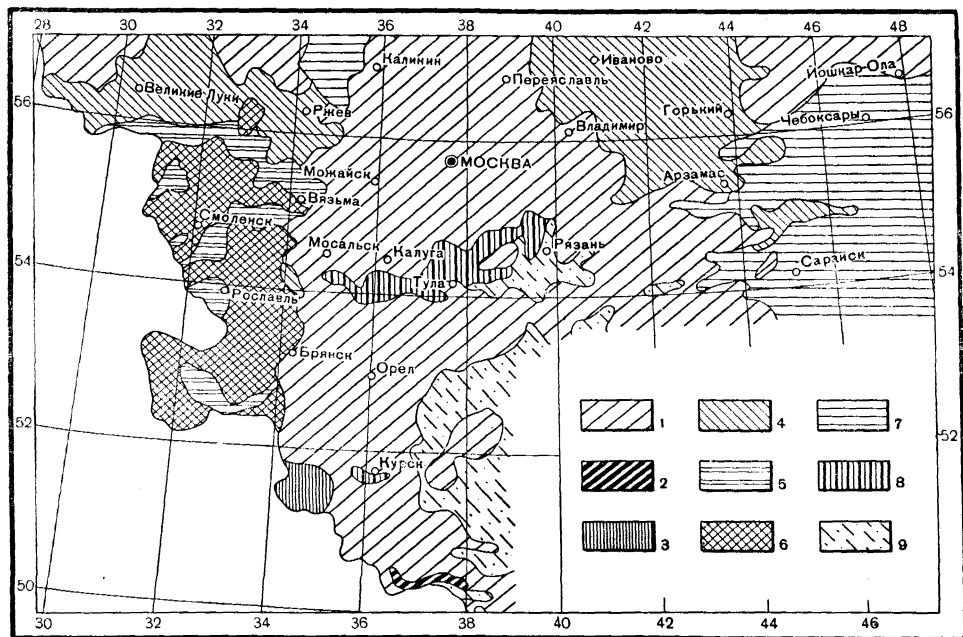
Карта 2. Названия жнивья с корнем *жн-*: 1) *жнёво, жниво, жнива*; 2) *ежнёвь, жнивьё*; 3) *жнёвь, жнёв*; 4) *жнёвник, жнёвнич*; 5) *жнёвник, жнёвнич*; 6) *жнёвник, жнёвнич*; 7) *жнёвник, жнёвнич*; 8) *жнёвь, жнёв*; 9) *жнёвник, жнёвнич*; 10) *жнёвник, жнёвнич*; 11) *жнёвник, жнёвнич*; 12) *жнёвник, жнёвнич*; 13) *жнёвник, жнёвнич*; 14) *жнёвник, жнёвнич*.

Примеры подобного рода различий в составе соответственных слов русских говоров легко могут быть умножены: ср., например: *ляда* — *лядина*; *колыбель* — *колыбёла*; *изгородь* — *загородь* — *огород* — *огорода* — *сгород* — *возгород* — *загород* — *изгород* — *возгород* — *загород*; *назём* — *позём* — *озём*; *чапельник* — *чапленик* — *чапля* — *чапельюха* — *чапельюшка* — *чапель*; *грёчевый* — *гречайный* — *гречушный*; *беловатый* — *белявый* — *белавый*; *добротный* — *добрый* — *добрытый*; *белогривая* — *белогривчатая*; *белчий* — *бёлий* — *белочий*; *зятний* — *зйтив* — *зйтин*; *лётось* — *лётость* — *лётоса*; *давеца* — *давень* — *давець*; *ономёдни* — *намёдни* — *наметь* — *намет*; *ревьт* — *ревьт* — *ревьт*; *петь* — *пёить* — *пойть*; *горсать* — *гориться* — *горюниться*; *диейтсья* — *дивоват* — *дивоватсья*; *дождаться* — *дождить* (*дождать* — *дождаться*); *пелёдить* — *запелёживать*; *закладать* — *закладывать*; *боронить* — *бороновать*; *итить* — *итить* и многие другие.

Различия словообразовательного характера могут быть связаны с образованием слов путем оформления соответствующих корней различными уменьшительными, уничижительными и подобными по происхождению суффиксами в одних говорах и слов без этих суффиксов — в других. При этом следует иметь в виду лишь такие слова, в которых перечисленные значения суффиксов утрачены и обнаруживаются только с точки зрения этимологической или с точки зрения строения соответствующих слов в русском языке в целом. Эти слова не имеют в данном диалекте параллельных бессуффиксных слов; основу их следует рассматривать как непроизводную. Таким является, например, слово *дёжка* в говорах Брянской области, в которых нет параллельной исходной формы *дежа* и лишь слово *дёжка* является термином для обозначения кадки, в которой замешивается тесто. В говорах Курской, Орловской, Калужской обл., как правило, слово *дёжка* (в том же значении) существует наряду со словом *дежа* и потому должно рассматриваться как уменьшительное от последнего. Таково же слово *вилки* в значении «ухват», для которого нет

исходной формы *вилы*, употребляемой в том же значении, в говорах на юго-западе Смоленской обл. В говорах же, граничащих с ними на северо-востоке, отмечено в значении «ухват» также слово *вилы*; для последних слово *вилы* следует рассматривать как уменьшительное (подобно паре *ухват* — *ухватик*). Сюда же должны быть отнесены слова *рель* — *рёлка*, *мать* — *мётка* (последнее четко локализовано в говорах на западе Смоленской и Брянской обл.), *сеекрёвь* — *сеекрёвка* (только так в говорах северо-западной части Великолукской обл.), *моркёвь* — *моркёвка* — *моркёшка* (территории распространения неуменишительных *сеекрёвка* и *моркёвка* совпадают) и многие другие.

3. Близкие по звуковому составу соответственные слова в разных диалектах могут иметь фонематические, акцентные или грамматические различия.

Карта 3. Разновидности слова *кормысло* по говорам: 1) *кормы́сло*; 2) *кормы́мысле*; 3) *кормы́мысле*, *кормы́сло*; 4) *кормы́сел*; 5) *кормы́сел*; 6) *кормы́сел*; 7) *кормы́с*; 8) *кормы́слы*; 9) *кормы́сли*

1) Наличие отдельных несовпадающих фонем в соответственных диалектных словах лишь в том случае может считаться лексическим фактом, если несовпадение фонем вызвано имманентными особенностями слова, а не какими-либо действующими или действовавшими в прошлом закономерностями фонетического и грамматического строя говора. Так, формы [ф]унт — [х]унт, при соответствующей замене [ф] звуком [х], л[е]с — л[и]с при соответствующей реализации ъ, [ч]апельник — [ц]апельник при цоканье и т. д., не говоря уже о различиях, возникших вследствие закономерных для тех или иных говоров изменений фонем в слабых позициях (как, например, произношение в[е]сна́ — в[о]сна́ — в[и]сна́ — в[а]сна́ при соответствии его разным системам предупредного вокализма, или хребу́[к] или хребу́[х] при соответствующем оглушении конечного [г] в [к] или [х] или [γ] в [х] и подобные им), должны быть отведены как несущественные для определения лексических различий соответственных слов в диалектах. Объектом изучения для лексиколога могут быть лишь такие, например, фонематические разновидности диалектных слов: *махоточка* — *маходочка*; *пра́льник* — *пра́йник*; *бу́хма* — *бу́шма* — *бу́хва* — *бу́хва* — *бу́кла* — *бу́хта*; *те́нэта* — *те́нйта*; *па́смурный* — *па́хмурный*; *бе́лый* — *бе́лавый*; *мо́ркотно́* — *мо́рготно́*; *ду́же* — *ду́же*; *ле́тисе* — *ле́тусе* — *ле́тосе*; *гу́торить* — *гу́та́рить*, и подобные им. Большинство указанных различий (как об этом позволяют судить материалы, собранные по программе для атласа) дает четкую территориальную локализацию русских диалектов в центральных областях на восток и на запад от Москвы.

2) Акцентные различия соответственно выделяются лишь постольку, поскольку они

являются не морфологизованными, но чисто лексическими¹. Акцентными разновидностями являются, например, слова *чапельник* — *чапельник* — *чапельник*. Первое из них широко представлено в говорах южной части Московской обл., в Калужской обл. (кроме крайнего запада ее) и в западной части Тульской обл.; форма *чапельник* распространена северо-западнее, в основном по течению Западной Двины; произношение *чапельник* отмечено в говорах северо-западной части Великолукской обл. и, кроме того, на юг от Вязьмы. Так же разнообразно может быть ударение в слове *холодно*: *холодно* представлено в основном в говорах к северо-западу от Москвы; в Смоленской обл. имеет место четкая локализация акцентной разновидности — *холодно* — с ударением на втором слоге основы; к югу от Москвы широко представлено слово с ударением на конце — *холодно*. Отмечены акцентные различия в произношении слов *косовище* — *косовище*; *бухма* — *бухма* («брюква»); *морковь* — *морковь*; *морква* — *морква*; *дочка* — *дочка*; *жнцво* — *жнцво*; *жнцве* — *жнцве*; *жнцво* — *жнцво*; *коромысел* — *коромысел*; *коромысло* — *коромысло*; *коромисел* — *коромисел* (см. карту № 3); *глуный* — *глуный*; *толстый* — *толстый*; *ложить* — *ложить*; *кашлять* — *кашлять*; *губорить* — *губорить*; *скоробить* — *скоробить*; *ростить* — *растить*; *канить* — *канить*; *дobre* — *дobre*; *студено* — *студено* — *студено*; *всело* — *весело* и многих других. Как пока кажется, различия в месте ударения в этих словах по говорам не имеют закономерности, отмеченной В. И. Далем (см. выше).

3) Соответственные слова могут при единстве значения и звукового состава различаться грамматической принадлежностью и образовывать в каждом из сравниваемых диалектов своеобразную систему форм². При этом выделяются различия в категории рода, различия в категории числа и различия, выражающиеся в принадлежности слова к тому или иному грамматическому типу: для имен — принадлежность к разным типам или подтипам склонения, для глаголов — к разным типам спряжения.

а) Различия в категории рода выражаются в принадлежности тех или иных лексических разновидностей слова (имени существительного) в одних говорах к одному грамматическому роду, в других — к другому роду. При этом следует иметь в виду, как и при фонематических различиях диалектной лексики, лишь имманентные особенности каждого данного слова и не смешивать их с различиями, вызванными особенностями грамматической системы говоров. Так, например, для тех русских говоров, которым свойственна утрата категории среднего рода как таковой, случаи распределения слов среднего рода по женскому или мужскому роду относятся не к лексике, а к грамматике. Эти же факты являются, безусловно, лексической особенностью в говорах, где категория среднего рода полностью сохра-

¹ Следует отметить при этом, что русская диалектология не располагает пока достоверными сведениями об определенных закономерных сдвигах в ударении для тех или иных диалектов русского языка. В этой связи особый интерес вызывает замечание В. И. Даля о том, что северным и восточным великорусским говорам в ряде слов свойственно ударение на первых и средних слогах, тогда как южным и западным — на средних и последних (см. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. XXVIII, примечание).

² Следует иметь в виду, что различия соответственных слов по диалектам могут в отдельных случаях складываться только за счет начальной формы слова. Таковы, например, слова мужского рода *кормыс* (*кормыс*) или *кормысел* и слово среднего рода *кормысло*, которые часто образуют не различающиеся по диалектам формы косвенных падежей *кормысла*, *кормыслу* и т. д.; также глаголы *гаметь* и *гамить*, которые образуют не различающиеся по диалектам личные формы настоящего времени — *гамий* — *гамят*; аналогично глаголы *сербеть* — *сербить*, *свербеть* — *свербить*, *гадеть* — *гадить* и др.

Различия эти могут существовать также за счет различий в типе склонения и числе имен существительных при единстве формы именительного падежа или различий в образовании личных форм настоящего времени глаголов при единстве инфинитива, например: слово *кормыс*, так же как слово *путь*, может быть словом мужского рода и изменяться по типу *коть* и словом женского рода и склоняться соответственно по типу *кость*; при общей основе инфинитива глагол *брехать* может образовывать в одних говорах личные формы настоящего времени от основы *бреха́й* (*бреха́ет*) и от основы *бреш* (*брешу́* — *бреше́т*); также инфинитив — только *гребовать*, но личные формы при этом могут быть в одних диалектах *гребую* — *гребуешь*, а в других *гребовую* — *гребоваешь*; также инфинитив *ика́ть*, но личные формы *икаю* или *ичу́* (также *ичу́*), и др.

Известны случаи, когда диалектная разновидность определенного слова может выявляться только во множественном числе, например, слова *копня́*, *сады́ба* (также *сады́ба*), *ве́рба* в некоторых говорах имеют не свойственные другим существительным женского рода этого же типа формы множественного числа (*копни́*, *копни́й*, *копни́м* и т. д., *сады́бей*, *свады́бей*, *ве́рбей*). Слово может представлять особенности изменения лишь в одной из форм. Так, слово *деревня́* в средневеликорусских и южновеликорусских говорах широко представлено с окончанием *-а́* (*деревня́*) в именительном и винительном падежах множественного числа.

няется. Случаи, когда то или иное слово относится к мужскому роду в одних диалектах и к женскому роду в других, не могут для современных русских говоров объясняться особенностями развития грамматической системы и потому составляют лексические разновидности диалектных слов. Например, слово *собака* в литературном языке и в большинстве русских говоров относится к женскому роду, в говорах Смоленской области оно мужского рода (как *воевода*), причем в некоторых из смоленских говоров слово *собака* представлено даже без конечного гласного — *собак*, т. е. оно имеет уже и структуру, свойственную словам мужского рода. Примером различия соответственных слов в диалектах по категории грамматического рода является слово *кормысло* (см. карту № 3), которое в литературном языке и в говорах, прилегающих к Москве, относится к среднему роду, но восточнее и западнее в соответствии ему представлены лишь слова мужского рода *кормыш*, *кормысел*, *кормысьел*, причем на востоке (южная часть Горьковской обл. и русские говоры на территории Мордовской АССР) преобладает слово мужского рода *кормыс*, а в говорах запада (Великолуцкая, Смоленская, Брянская обл.) — *кормысьел* (*кормысьел*). Различия по принадлежности к одному или другому грамматическому роду можно видеть в словах: *полотёнок* — *полотёнец*, *добака* — *добавок*, *тенет* — *тенет* — *тенёт*, *оковало* — *оковалка* и многих других. Изменение родовой принадлежности особенно активно осуществлялось в тех группах слов, которые относились к непродуктивным типам склонения. Таково, например, слово *гусь*, которое в большинстве говоров относится к мужскому роду, но в некоторых говорах на юго-западе Смоленской обл. *гусь* — женского рода. Отмечены различия в грамматическом роде для слов *мозоль*, *мышь*, *путь* и некоторых других.

б) Лексические разновидности диалектных слов по категории числа менее часты в русских говорах. Отмечены случаи, когда слово относится к *pluralia tantum* в одних говорах и к *singularia tantum*, либо к существительным, употребляющимся в единственном и множественном числе, в других. Четкая локализация различий такого рода в определенных случаях свидетельствует о том, что они существенны для диалектной лексики. Так, например, в южной части Калужской обл., северной части Тульской обл. и на юго-западе Рязанской обл. отмечено в *pluralia tantum* слово *кормыслы*, в восточной части Орловской и Курской обл. широко представлено слово *кормысли* — *pluralia tantum* (см. карту № 3). В говорах центральных областей к востоку от Москвы локализованно представлено в *pluralia tantum* слово *тенёты*. Четкую локализацию по принадлежности к *pluralia tantum* имеют различно оформленные основы со значением «картофель» (*картошки* — *картохи* — *картохли*) в западной части Калужской, юго-восточной части Смоленской и на северо-востоке Брянской обл. Слово *бурак* («свекла»), как правило, в русских говорах относится к *singularia tantum*, однако отмечены говоры на запад от Москвы, в которых оно всегда *pluralia tantum* — *бураки*. Аналогичны диалектные различия в названиях ягод: *земляница* — *земляницы*, *брусница* — *брусницы* и т. п.

в) Диалектные лексические разновидности слов, характеризующиеся принадлежностью этих слов к разным грамматическим классам, пока в большей степени выявлены среди имен существительных. Они определяются принадлежностью существительных к разным типам или подтипам склонения, главным образом продуктивным в говоре. Распад старых непродуктивных типов (какими для русского языка являются старые основы на согласный и мужской род *i*-основ) есть в целом черта грамматического строя, а не лексики, несмотря на то, что в ходе этого распада и перегруппировки типов склонения намечается определенная лексикализация; ср., например, наличие в одних говорах слова *мышь* и в других — *мыша*, аналогично *вошь* — *вша*, *жизнь* — *жизня*, *мысль* — *мысля*, *мать* (или *матерь*) — *матеря*, *дочь* (или *дочерь*) — *дочера*, *свекровь* — *свекровья* — *свекрова* (ср. в литературном языке *песнь* — *песня*) и др. Приводимые ниже существительные, относящиеся в одних говорах к одному типу склонения, в других — к другому, составляют не грамматикализованные, а чисто лексические разновидности. Такова, например, принадлежность слова *кормыслы* (род. падеж *кормысел* или *кормысьел*) к твердой разновидности склонения имен существительных мужского рода в одних говорах, а *кормысли* (мужской род, род. падеж *кормысьел*) — к мягкой разновидности в других говорах (см. карту № 3), что также позволяет рассматривать эти слова как диалектные разновидности. Аналогично различия между лексическими разновидностями *комар* и *комар'*: первое слово относится к твердой разновидности слов мужского рода, второе — к мягкой разновидности того же склонения. Сюда же относятся диалектные слова *собака* — мужского рода и *собак* — мужского рода, которые в одних говорах склоняются по типу *воевода*, а в других по типу *стол*, и др.

В области глагола намечаются, правда пока мало изученные, лексические разновидности, связанные с образованием основ глаголов одного и того же корня, не различающихся по виду, т. е. принадлежностью глагола к одному классу (одному спряжению) в одних говорах и к другому классу (к другому спряжению) в других говорах. Таковы, например, отмеченные в 3-ем лице единственного числа настоящего времени глаголы *ржет* — *ржит* (о лошади), *реёт* — *реёт* (о корове) и некоторые другие.

Принадлежность глаголов с основой на заднеязычный или губной к различным подтипам спряжения (*йкать* — *йчу* или *йкāju*, *мигāt* — *мижү* или *мигāju*, *кāпат* — *кāплю* или *кāпаю* и др.) является, как правило, грамматической особенностью говоров, хотя образование основы настоящего времени указанных глаголов может сопровождаться определенной лексикализацией.

Устанавливая определенные типы различий в лексике русских диалектов, мы не рассматриваем специально вопрос о большей или меньшей значимости и того или иного типа лексических различий, хотя, конечно, отдаем себе отчет, что одни из них более существенны, другие — менее. Например, по слову со значением «морковь» между диалектами различия могут быть неодинаковы. Так, если диалекту А свойственно название *моркбъв*, диалекту Б — *баркāн*, диалекту В — *моркбѡвѡ*, диалекту Г — *мѡрковѡ*, то очевидно, что различие между указанными словами в диалекте Б, с одной стороны, и диалектах А, В и Г, с другой стороны, является более существенным, чем различие между соответствующими словами в диалектах В и Г, так как в первом случае налицо различие между корнями слов, а во втором случае различие проявляется только в грамматическом типе слова. Еще менее существенным представляется различие в названиях моркови в диалектах А и Г, так как отличие соответственных слов в них сводится лишь к различию в месте ударения.

Рассмотренные выше типы диалектных различий в области лексики в ряде случаев могут выступать в определенных комбинациях. Например, слово *кормѡйсѡ* — среднего рода единственного числа в одном говоре и *кормѡисѡ* — мужского рода единственного числа в другом говоре отличаются в трех отношениях¹: фонематическом ([м] и [м'] в основе), акцентном (ударение на третьем или на втором слоге основы) и грамматическом (принадлежность к среднему или к мужскому роду); слова *жѡнѡво* и *жѡнѡвѡ* отличаются фонематическим оформлением основы ([й] и [ѣ]), типом словообразования (без суффикса -к- и с суффиксом -к-) и грамматической характеристикой (принадлежность к среднему и женскому родам); слова *жѡнѡвѡ* — *жѡнѡвѡнѡ* (названия жнѡвѡй) отличаются в фонематическом, словообразовательном и грамматическом (в категории числа: в первом случае *pluralia tantum*, во втором — *singularia tantum*) отношениях. Еще чаще встречаются различия по каким-либо двум показателям.

Рассмотренные примеры характеризуются тем, что имеющиеся в них несколько планов лексических различий выражены разными средствами. Однако встречаются случаи, когда несколько типов лексических различий выражены одним средством. Так, например, слова *кѡмā[r]* и *кѡмā[r']* различаются твердым и мягким [r] в основе. С этим связано различие в двух отношениях: фонематическом и грамматическом (относятся к разным подтипам склонения слов мужского рода).

*

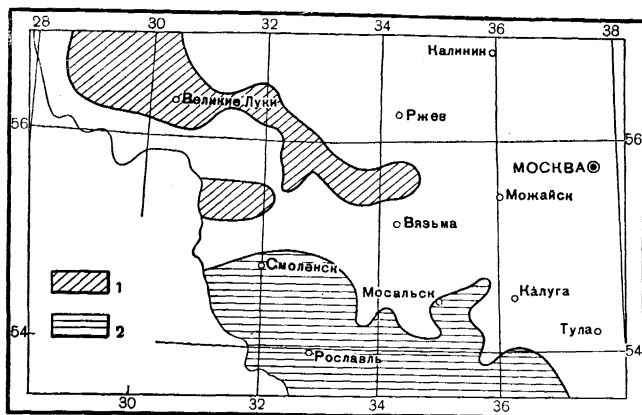
Различия чисто структурного характера до сих пор остаются неисследованными; их выявление связано в первую очередь с изучением лексики как системы, что пока почти не осуществляется. Попытаемся наметить некоторые из возможных структурных различий, которые представляют в настоящее время наиболее очевидными.

1. Соответственные слова по диалектам могут различаться объемом значения: определенному слову общего значения в одном говоре соответствует ряд слов, каждое из которых имеет более частное значение в другом говоре². Такого различия, заключающегося в отсутствии единого термина для обозначения сжатого поля независимо от произрастающих на нем ранее культур в одних говорах (в них имеются только частные названия, например: *рожѡще* или *ржѡвѡнѡ* — *ржāнѡ* — *ржāнѡ* — жнѡвѡе после ржи, *пшѡнѡище* — жнѡвѡе после пшѡнѡицы, *ѡсѡйнѡище* — после ѡвѡс, *яровѡище* — после яровѡй

¹ Лексические различия диалектов, выражающиеся в наличии слов разных корней, не могут рассматриваться как различия по нескольким показателям даже и в тех случаях, когда на первый взгляд имеются основания так их квалифицировать. Например, слово *стернѡ* в одних говорах и соответственно слово *жнѡвѡтнѡ* в других могут рассматриваться только как разнокорневые словарные различия, хотя в них налицо к тому же и очень приметные различия словообразовательного порядка; аналогично обстоит дело с соответственными словами *ухѡт* — *ѡлѡки* — *ѡмѡи*, в которых налицо различия не только в корнях, но и в словообразовании и даже в грамматической принадлежности их (первое имеет формы единственного и множественного числа, второе и третье *pluralia tantum*).

² Предварительный анализ лексического материала по весьма неполным данным позволяет предположить, что в указанном отношении севернорусское наречие в какой-то степени противостоит южнорусскому: в севернорусских говорах намечается некоторое количество случаев с частными названиями, в южнорусских им соответствуют более общие.

пшеницы или других яровых культур, *клевернице* — после клевера и т. д.) и наличие такого общего названия в других говорах (*жнйвоо, жнйвоё, ржйнице*),¹ и др. Ср. также наличие в некоторых говорах только названий овечьей шерсти, содержащих в себе указание на время, когда снималась эта шерсть (например, слова *осеннина* и *вешнина*), тогда как в других говорах овечья шерсть называется безотносительно ко времени ее снятия (*шерсть* или *овин*). Многие говоры Великолукской обл. имеют только частные

Карта 4. Наличие общего или частных названий наседки:
1) зона распространения трех частных названий наседки:
а) намеревающейся высидывать цыплят, б) высидывающей цыплят, в) водящей цыплят; 2) зона распространения только общего названия наседки

названия курицы-наседки: *квоктуха* — «курица, намеревающаяся стать наседкой», *седуха* — «наседка, сидящая на яйцах», *детиниха* (также *цыплатница* или *курка*) — «наседка, водящая цыплят». Говоры южной части Смоленской обл. характеризуются наличием одного слова (обычно *квоктуха* или *квокуха*), обозначающего наседку независимо от стадии выведения цыплят. На карте № 4 показаны эти различия [незакрашенной осталась территория, о которой нет точных данных, причем в восточной части ее преобладают говоры, имеющие два частных названия: а) для намеревающейся высидывать и высидывающей, б) для водящей цыплят]. В некоторых говорах имеется слово *боронить* (также *скородить*) с общим значением «размечать землю бороной», в других говорах слово с аналогичным общим значением отсутствует и имеются лишь слова с частными значениями: *боронить* «разрыхлять землю после пахоты в первый раз», *волочить* «боронить по второму разу», *заволочивать* «засыпать землей при помощи бороны семена после посева».

2. В лексике диалектов могут быть структурные различия в характере выявления значений отдельных слов в плане, намеченном В. В. Виноградовым на материале русского литературного языка¹. Так, например, между словарями диалектов, имеющими в своем составе прилагательное *баской*, может быть существенная разница, если в одном из диалектов это слово употребляется в широком значении «красивый», «такой, как надо» (например, говорят *баская девушка*, *баской ситец*, *баская капуста* и т. п.), а в другом диалекте это слово употребляется ограниченно, только в применении к девушке: *баская девушка*. Такого же рода различие наблюдается в употреблении слова *пахать*, иногда осложненного различными префиксами, которое в одних говорах встречается в свободном значении «подметать», в других — в этом же значении, но только во фразеологически связанных сочетаниях: *запахать* или *подпахать печку* (в значении «замести золу и угли»). Аналогично: *кутать*, *закутать* «закрыть что-либо вообще» (дверь, окно, трубу, сундук и т. п.) в одних говорах и только *закутать трубу* «закрыть трубу» в других. Характерна особая реализация одного из диалектных значений слова *мост* в некоторых говорах Уваровского района Московской обл. Здесь *мост* в значении «крыльцо, выходящее во двор» употребляется только в конструкции с предлогом *под* — *под мостом* (о чем-либо, помещающемся под крыльцом пазы, выходящим во двор, говорят, что этот предмет находится *под мостом*); при этом само заднее крыльцо словом *мост* не называется. Представляет интерес слово *сыбёр* (*шабёр*) «товарищ», «сосед», которое в некоторых говорах к югу от Смоленска не имеет свободного значения и, употреб-

¹ См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5.

ляясь лишь в сочетании с союзом *как*, выступает как определение крупного, здорового, но ленивого человека или животного: *здоров как сибёр*.

Изучение различных типов выявления значений слов целесообразно проводить в сопоставительно-сравнительном плане по многим диалектам с тем, чтобы таким образом восстановить на синхронном материале историю развития значений соответственных слов. Так, можно полагать, что «свободные значения слов» (по В. В. Виноградову) в диалектах являются продуктивными и свидетельствуют о полнокровной жизни слова. Разного рода ограниченные в своем употреблении слова часто являются реликтовыми и свидетельствуют о постепенной утрате их в диалекте (если только они не заимствованы в ограниченном употреблении из другого диалекта или литературного языка).

3. К структурным различиям могут быть, по-видимому, отнесены также различия в словообразовании определенных групп слов, объединенных общим значением. Так, группа слов со значением названия детенышей оформляется суффиксом *-енок* (*-ёнок*) в одних говорах и суффиксом *-енёнок* в других: *гусенок* — *гусенёнок*, *волчонок* — *волченёнок*, *теленок* — *теленёнок*, *девичка* — *девиченка* и т. п. Такого же рода различия наблюдаются в образовании форм множественного числа: *телята* — *теленки*, *девчата* — *девчонки*, *гусята* — *гусенки*, *волчата* — *волчонки*, *медвежата* — *медвежонки* и др. Ср. также названия зарослей какого-либо кустарника или однородного леса с суффиксом *-ик* в одних говорах, с суффиксом *-иг* — в других и с суффиксом *-яг* — в третьих говорах: *сосник* (род. падеж *сосникá*) — *сосниг* — (род. падеж *соснигá*) — *сосняг* (род. падеж *соснягá*), *малинник* — *малинниг* — *малинняг*, *осинник* — *осинниг* — *осинняг* и т. п.; лексико-грамматическая группа названий ягод может иметь суффиксы *-ик*, *-иг* или *-иц*: *земляника* — *землянигá* — *земляница*, *брусника* — *бруснигá* — *брусница*, *черника* — *чернигá* — *черница* и др.

Структурные отличия в лексике до настоящего времени остаются наименее выявленными. Они почти не описаны в литературе и мало отражены на лексических картах подготавливаемых атласов русских народных говоров. Между тем в некоторых случаях именно они могут составлять сущность диалектных лексических различий. Выявление их предполагает тщательную фиксацию соответствующих фактов в процессе собирания диалектного материала и предварительное монографическое изучение лексики говора.